

ОГЛЕДИ И СТУДИЈЕ

УДК 316.722(470):159.923“18/20“

DOI: <https://doi.org/10.22182/spm.6532019.14>

Оригинални научни рад

Српска политичка мисао

број 3/2019.

год. 26. vol. 65

стр. 325-345

*Леонид Петряков**

*Государственная академия промышленного менеджмента
имени Н.П. Пастухова, Ярославль*

*Синиша Атлагић***

Факултет политичких наука, Београд

ФОРМИРОВАНИЕ «Я» СУБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Предметом анализа выступает путь формирования субъективности в русской культуре. Цель работы — показать основные исторические и культурные особенности, этапы и результаты этого пути. Основными теоретическими и методическими подходами исследования являются: сравнительно-исторический, литературно-критический, дискурс-анализ. Результатом исследования является обоснование наличия двойственного субъекта в русской культуре: традиционно-национального и европейского. Выводы работы предполагают необходимость и направления

* Электронска адреса аутора: tkstudia@yandex.ru

** Электронска адреса аутора: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

преодоления двойственности, формирование единого субъекта русской культуры.

Ключевые слова: русская литература, литературный герой, личность, персонализм, философия общего дела

1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ И ЕГО КРИТИКА

Известно, что «личность», как особый психический комплекс человека, способного давать закон самому себе — сравнительно недавнее достижение (17–18 вв.) Новоевропейской цивилизации. Но сама конструкция «Я», в качестве комплекса идеалов и норм, создавалась, пожалуй, каждой культурой во все исторические времена. Конструкцию «Я» реконструируют К.Г. Юнг и Ф. Фукуяма. Она предполагает единство и различие личного и социального начал. У К.Г. Юнга это два типа архетипов.¹ личные составляют прообраз семьи, а социальные — общественных ролей, мифологии и истории. У Ф. Фукуямы² личное начало предполагает стремление человека «быть выше других», побеждать в соревновании. Социальное напротив, предполагает равенство с другими, равное достоинство всех людей. В китайской системе даосизма равенство предполагается в личном начале, а неравенство (о котором говорит конфуцианство) — в социальном. Кроме равенства и неравенства, личное и социальное начала могут требовать от человека активности или пассивности, формировать характерные для человека данной культуры потребности. К примеру, китайский идеал предполагает активность в социальной сфере и некоторую пассивность в личной, тогда как Западный идеал «Я» активен в обеих, за что Ф. Фукуяма называет Западную цивилизацию — уникальной.

Двойственность идеала «Я» в русской народной культуре отлично как от Западного, так и от китайского: личное начало в нём представлено народным героем — недостижимым идеалом, отдельные черты которого человек может проявить только в

1) Карл Г. Юнг, *Архетип и символ*, Изд-во. Ренессанс, Москва, 1991, стр. 97—99.

2) Фрэнсис Фукуяма, *Конец истории и последний человек* (пер. с англ. М. Б. Левина), АСТ, Москва, 2007.

экстремальной ситуации — войны, бедствия или праздника. Социальное начало в русской народной культуре предполагает стоический идеал – «быть как все», «жить незаметно», «быть проще». Такая комбинация качеств близка модели «Я» Аврелия Августина, с поправкой на то обстоятельство, что народный герой ближе к языческому, чем христианскому пониманию поведения человека. Индивидуальная активность русских, оправданная «особыми обстоятельствами», сопровождается социальной пассивностью в отсутствии этих обстоятельств. Этими качествами обладают как былинные богатыри, так и отдельные литературные герои 19 века.³ В целом этот комплекс был назван «индивидуализированный коллективизм».⁴

Русская литература, как проявление интеллекта высших социальных слоёв, критически относилась к народным идеалам, хотя и нередко черпала свой материал из народной жизни. Со времён позднего Средневековья литература ставила себя в контекст всей христианской цивилизации и мировой истории, стремилась брать у соседей всё лучшее и «прогрессивное». Тем более, что она осуществлялась в имперском, как-бы всемирном масштабе и могла (до некоторой степени) игнорировать национальные особенности коренной нации. Имперская элита, интегрировавшая в себя элиты национальных окраин, была принципиально интернациональной, начиная с императоров, женившихся на немецких принцессах и насаждавших немецких чиновников и «прогресс» по европейским образцам. А догоняющий характер развития страны и связанные с ним противоречия, вызывали критику образованного общества. Социальная критика, наряду с одами победам и величию власти, проявлялась в литературе уже в 18 веке,⁵ а в 19-м, после военных походов в Европу, она стала основным мотивом мысли.

Национальное отличие менталитета русских от европейцев впервые зафиксировал П.Я. Чаадаев⁶ в первой

3) Иван А. Гончаров, *Обломов. Роман в четырёх частях. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*, Наука, Санкт-Петербург, 1998, Том 4.

4) Жанна Зарицкая, «О специфике русского коллективизма» у *Вестник новосибирского университета: Серия «Философия»*. Т.11, №3, Новосибирск. 2013, стр. 53.

5) Александр С. Пушкин, *Медный всадник*, НАУКА, Ленинград, 1978.

6) Петр Я. Чаадаев, *Философические письма. Письмо первое*, Библиотека «Вехи», Электронный ресурс, Internet. <http://www.vchi.net/chaadaev/filpisma.html>, 22/02/2019.

половине 19 в., а в середине века появилось интеллектуальное движение славянофилов (даже не русофилов), которое, отчасти, также оставалось имперским, «подравнивая» русских под другие славянские народы. Это движение во-многом фантазировало о собственном народе, но оно сделало актуальным его последующее познание. К концу века «народники», толстовцы (последователи идеологии писателя Л.Н. Толстого), левые партии, включая большевиков, опирались на особенности национального менталитета, в частности, на конструкцию «Я» русских. Однако, большая часть интеллектуальной элиты была воспитана на европейских образцах и мыслила их как единственно верную картину реальности. На этом противоречивом пути русская литература, как и философия, в своих классических произведениях ставила социальные проблемы и предлагала пути их решения.

2. ПРОБЛЕМА «ПРАВИЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Одна из таких проблем — становление сознательной личности, дающей себе закон из «массы» людей традиционного общества. Как пройти путь эмансипации человека? Постановка этой проблемы есть в произведениях Грибоедова, Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова. А наброски её решения — у Чернышевского,⁷ Л.Н. Толстого,⁸ Ф.М. Достоевского.⁹

Русский вопрос: «что делать?» Чтобы перейти от классового общества к демократическому, национально-гражданскому, бесклассовому? Поскольку прямой путь: спор об «идеях» правильного общества, борьба за прогресс как утверждение идей... в наших условиях оказываются бессмысленными, служат всего лишь для смены лиц и технологий управления. Правильное общество нужно для правильного человека, способного жить в нём, поддерживать его устои и отстаивать свои права. Пока же этого человека нет, общество живёт как социальная машина, игнорируя запросы отдельных людей, калеча их судьбы. Оно может

7) Николай Г. Чернышевский, *Что делать? Из рассказов о новых людях*, Серия «Литературные памятники» Наука, Ленинград, 1975.

8) Лев Н.Толстой, *Воскресенье. Полное собрание сочинений*, Наука, Москва, 1978.

9) Федор М. Достоевский, *Полное собрание сочинений. В 30 т. Т.6: Преступление и наказание: Художественные произведения*. Наука, Ленинград, 1973.

иметь любое имя, любой вид, форму правления и оставаться... бесчеловечным. Создавать «правильное общество» прямо, из «неправильных» людей — это абсурд, о котором говорит Чехов в повести «Дуэль» — в долгих и бессмысленных диалогах спорящих героев, в «Чайке»¹⁰ — бессмысленном убийстве птицы, моральной гибели девушки и самоубийстве молодого человека. О том же пишет Эжен Ионеску¹¹ — недаром румынский писатель, открывает этот жанр — абсурда, бессмысленного подражания прогрессу, основы для которого нет. Чех Франц Кафка¹² находит абсурдными анархистов, не понимающих тайну «Замка» — тайну природы власти, живущей в каждом человеке.

Становление сознательной личности возможно на разных началах: от обряда инициации в архаических обществах, античного соревнования до рыцарского воспитания и религиозного послушания. Первым в Европе, кто прописывал и обосновывал проблему становления личности теоретически, был С.А. Кьеркегор.¹³ Он выбирает религиозный путь: Дон Жуан (эстетический уровень), Дон Кихот (этический) и третий — религиозный сменяют друг друга на этом трудном и противоречивом пути. Во-многом с ним соглашаются Ф. Ницше и последующая школа экзистенциализма. Русская культура выбирает принципиально другой путь для личности, основанный на воле, а не разуме: рыцарский, военный. Религиозность, в качестве верности принципам и внутренней дисциплины, исторически не свойственна русским. Они, как правило, не верят в истину религиозных мистиков, а достижения художественной культуры были восприняты народом сравнительно поздно. «Дух» при этом понимается одновременно как воля и «широта души индивида». В отличие от Европы, «дух» — это не социальный и рефлексивный абсолют, а общая ментальность народа.

За ментальностью, как социальным характером, стоит более глубокий, аксиологический уровень сознания

10) Антон П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем*, Том 7., Москва, 1977.

11) Эжен Ионеско, *Носорог. Пьесы и рассказы*, Текст, Москва, 1991.

12) Франц Кафка, *Замок* (Роман / Пер. с нем. М. Рудницкого), Издательская Группа «Азбука-классика», Санкт Петербург, 2009.

13) Серен Кьеркегор, *Болезнь к смерти*, Академический Проект, Москва, 2014.

— мораль, имеющая собственную динамику развития. Изменить её гораздо сложнее. В конце 17 века «рыцарство» в качестве новой морали, насаждается дворянству Петром I, но физической основы для него в России нет: нет замков, нет изолированных горами долин, нет правовой традиции разделения прав и полномочий вассалов разного уровня, нет соответствующих исторических примеров для подражания. Социальным мотивом новой морали выступает «служение Отечеству», противопоставленное прислуживанию господину. А личной основой становится дворянская честь, поскольку: «жизнь можно отдать Отечеству, а честь — никому»! Защитой и основанием наличия чести выступает слово дворянина и новый, светский обряд поединка с обидчиком — дуэль.

Такое понимание чести постепенно распространяясь в обществе, меняет его моральную природу: вместо коллективного индивида начинает формироваться лично свободная, требующая уважения своих прав, человеческого достоинства, персону. Положение человека в обществе начинает определяться не социальным статусом и «большими связями», а личными качествами человека: смелостью, честностью, верностью данному слову... Это раскалывает общество. Известно, что мораль развивается от античного понятия «стыд» (перед другими людьми) к христианскому понятию совести (ответственности перед Богом и собой). Интересно, что Владимир Соловьёв, оригинальный и самый известный русский философ, выводит понятие «стыд» в качестве главного для становления человека, добавляя к нему «жалость» и «благоговение».¹⁴ Это ключевые понятия старой русской морали.

Настоящие «битвы за честь» разыгрываются между носителями разных моральных установок: «морали стыда» и «морали совести». Сторонники первой морали — люди традиционного общества, хотя и осуждают людские пороки, готовы идти на компромисс с несправедливостью и господством «силы» над «правдой». Внешне мягкая позиция этих людей делает их жесткими по отношению к случайным жертвам моральной относительности. Напротив, мораль совести,

14) Владимир С. Соловьёв, *Оправдание добра* (Отв. ред. О. А. Платонов), Алгоритм, Москва: Институт русской цивилизации, 2012.

требовавшая от человека честности по отношению к себе, не допуская двуличия, приводила самих своих носителей к положению социальной жертвы. Моральное преимущество не давало каких-либо иных преимуществ, а напротив, несло угрозу унижения и гибели своего обладателя в условиях господствующих традиций. Если в Европе новая мораль нередко утверждалась самой властью «огнём и мечом», то в России этот процесс напоминал распространение буддизма, а затем и христианства в Китае и Японии.

В 19 веке сама дуэль, как поединок чести, остаётся сословной привилегией. Реализовать его психологически трудно, а социально порой невозможно для людей низших сословий. Как они могут реализовать своё, смутно осознаваемое право на честь? Некоторым выражением этого душевного беспокойства, моральной тревоги выступает искание «правды», «справедливости» или «счастья». Поздний фольклор, «жестокие романсы», фиксирует драматизм душевной раздвоенности, моральной драмы казалось бы самого простого, заурядного человека: мелкого чиновника, крестьянина. Над этими проблемами размышляет русская литература. Человек в ней переживает моральный кризис: испытывает страх перед властью, стыдится своего «ничтожества» с одной стороны, и помнит о чести, гордости, мечтает о признании — с другой. Но «признание» в его мечтах сливается с героизмом, собственной победой и последующим господством, невольно отрицая бескорыстную борьбу за равное достоинство и свободу всех.

3. АЛГОРИТМ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Анализируя ряд произведений русской литературы XIX – XX вв., можно вывести алгоритм становления личности, выделив основные этапы этого процесса:

1. Дуэль — поединок неравных, делающих их равными в момент поединка. Это желание равенства людей в человеческом достоинстве. Струсив, не добившись признания собственного достоинства, человек мельчает и мечтает о мести.

2. Мечь он понимает как воздаяние и справедливость. Но не достигнув справедливости, он отчаивается, бежит от людей, становясь изгоем.

3. Одиночество и скитание приводят его к смерти. Это не только и не столько собственная смерть, сколько глубокое переживание утраты прежнего смысла: семейного очага, заботы и ласки близких. Вместо этого происходит

открытие бездны в себе, разрушение барьеров, прежних табу.

4. Смерть даёт шанс на второе рождение (подобно инициации). Умереть для старой жизни и родиться для новой. Об этом написаны вышеупомянутые романы: «Что делать» Н.Г. Чернышевского, Л.Н. Толстого «Воскресенье», Достоевского «Преступление и наказание». Но родившись заново, человек стремится вернуться к людям, принести им свой смысл жизни.

5. Воскресение и возвращение к людям. Люди умирают и рождаются по-одному. Как не пропасть «по одиночке»? Как не пропасть зря? (ставит вопросы поэт Окуджава) Как живя «для себя» дать пример для других?

В этих этапах видно разрушение прежнего уклада жизни, необходимость борьбы («борьбы за признание» себя «человеком», равным другим) и закалки характера. Человек как бы скользит вниз, но достигнув «дна» — в пьесе Горького «На дне»,¹⁵ он поднимает глаза к небу и видит звёзды, как из глубокого колодца — ясным днём. Обретя новую цель, он находит и средства для её достижения.

3.1 Дуэль. О смысле дуэли философ Монтескье писал: «Честь не может быть принципом деспотических государств: там все люди равны (перед государем) и поэтому не могут превозноситься друг над другом, там все люди рабы и поэтому не могут превозноситься ни над чем... Может ли деспот потерпеть ее (честь) в своем государстве? Она полагает славу в презрении к жизни, а вся сила деспота только в том, что он может лишать жизни. Как она сама могла бы стерпеть

15) Максим Горький, *На дне*. Проза. Драматургия. Публицистика/Ред.-сост. П.В. Басинский, Назрань: Олимп: АСТ Москва, 2000.

деспота?»¹⁶. Во Франции дуэль запрещается, но её участников тысячами прощает король. Потому что в дуэли сохраняется культура разрешения конфликта, более высокая, чем донос или подлое убийство соперника в уязвимом положении. В 17-м веке (когда она появляется в России) в Европе у дуэли остался смысл обучения воинскому искусству, демонстрации своей независимости, автономии. Дуэль перестаёт быть центральным эпизодом произведения, превращаясь в способ показать мужество, благородство, лучшие душевные качества героев.¹⁷ Неоправданная дуэль вызывает сожаление и стыд и преодолевается последующей дружбой дуэлянтов.

В России дуэли начали происходить только в семнадцатом веке, благодаря нововведениям Петра I, усиленно насаждавшего на русской почве европейскую культуру и создавшего новый социальный слой — служилое дворянство. На первых порах дворяне нередко пользовались дуэлью, чтобы избавиться от конкурентов, мешавших их карьере. «Сознательный дворянин оставлял за собой де-факто право на дуэль, резко ограничивая влияние государства на свою жизнь».¹⁸ Таким способом дворяне заявляли о равенстве людей в дворянском сословии и о праве каждого из них претендовать на независимость. Кроме того, дуэлянты посягали на права, принадлежавшие исключительно государю. Петр I а затем и Анна Иоановна, и Екатерина II, и Павел I, и его сын — Александр I, и Николай I — все они стремились уничтожить этот обычай, но русское дворянство на протяжении двух веков отстаивало свое право на поединок.¹⁹ В романе Владимира Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»²⁰ дуэль выполняет роль сюжетного стержня. Дуэлью герой Маканина называет противостояние власти. Это противостояние реализуется через право «переступить» — в духе Раскольникова, то есть решиться на убийство человека.

В русской литературе на дуэли разрешается не личный конфликт, т.к. личной независимости нет ни у кого, личная

16) Шарль де Монтескье, *О духе законов*, Мысль, Москва, 1999, стр. 386.

17) Александр Дюма, *Три мушкетёра*, Худ. Литература, Москва, 1975.

18) Юрий М. Лотман, *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт Петербург, 1994, стр. 35.

19) Юрий М. Лотман, *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт Петербург, 1994.

20) Владимир С. Маканин, *Андеграунд, или герой нашего времени*, Вагриус, Москва, 1999.

честь осознаётся плохо. Это социальный конфликт: «нового» и «старого» порядка, человека, идеи. Поводом, но не причиной конфликта, разрешаемого на дуэли, является любовь (симпатия, честь) женщины или даже умершего человека. Результатом дуэли становится самоутверждение победителя, его амбиций, не сложившейся до конца личности, порой не вызывающее нашей симпатии. Здесь мы наблюдаем моральный парадокс двух видов зла, зафиксированных Августином,²¹ и хорошо описанный в литературе Восточной Европы: побеждать большее зло — меньшим справедливо, а отнимать частную жизнь (даже злодея) — несправедливо. Дуэль в русских романах не подвиг, победитель, как христианин, обречен на муки совести, хотя это его средство защиты личного достоинства. В чём же её смысл? Каждый из героев дуэли поставлен в критическую ситуацию и раскрывает в ней личные качества, взрослеет.²² Общество не может и не должно «присматривать» за каждым человеком и мирить их в случае конфликта. Большую часть ответственности за свою жизнь человек несёт сам.

3.2 Мечь. Подавленный приёмом «значительного лица», Акакий Акакиевич из рассказа Н.В. Гоголя «Шинель»,²³ заболел лихорадкой и умер. Но показательно то, что, умирая, Башмачкин неожиданно начал произносить страшные слова, которые следовали за словами «ваше превосходительство». Умерший Башмачкин превращается в мстителя, срывает шинели с генералов.²⁴ «Маленький человек» очень мстительное существо. Пушкинский Евгений раз в жизни, наблюдая битву Империи и Природы во время наводнения говорит: «Добро, строитель чудотворный. Ужо тебе» (воздаяние тебя ждёт).²⁵ Как библейский Иов, он требует справедливости — от Бога и императора. Это драма, но Пушкин отступает от типичного развития сюжета — сочувствия страдающему герою на фоне жестокости Судьбы. Напротив, он показывает битву двух богов: «медного всадника» Петра, построившего город в опасном

21) Аврелий Августин, „О граде Божьем“ в Армстронг А. Х., *Истоки христианского богословия. Введение в античную философию*, Санкт Петербург, 2006.

22) Яков А. Гордин, *Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни*, Издательство Пушкинского фонда. Санкт Петербург, 1997.

23) Николай В. Гоголь, *Шинель. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6.*, Художественная литература, Москва, 1978.

24) Исто.

25) Александар С. Пушкин, *Медный всадник*, НАУКА, Ленинград, 1978.

месте и хаотичной стихии природы, как и народного бунта, пытающихся этот город (порядок) разрушить. Судьба Евгения (как и любого человека вообще) — только иллюстрация этой грандиозной битвы. Если с помощью мести человек ищет справедливости, зло для него — только средство. Обратившись к нему, он открывает зло «сильное» и «слабое», позитивное, закабаляющее человека и негативное, жалкое.

В позитивном зле скрыта моральная опасность: она проявляется, к примеру, когда Гоголь говорит устами своего героя: «полюбите нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит».²⁶ Такая моральная относительность приводит к двум возможным следствиям: всепрощающей и слепой любви или особой любви ко злу, к «чёрненьким», предполагающей не очищение их, а напротив, ненависть к «беленьким» — честным и порядочным людям. Такое превращение человека: потерю чести, достоинства, славы показывает И. Бабель в «Конармии».²⁷ Морально возражает ему Григорий Мелехов, герой романа М. Шолохова «Тихий дон».²⁸ Он напротив, не приемлет озверения, вызванного гражданской войной, и, оказывается чужим во всех враждующих армиях.

Негативное, «слабое» зло показано в пьесе М. Горького «На дне».²⁹ Обитатели ночлежки живут во зле, хотя это «зло» иного рода: бедность, грязь, необразованность, грубые поступки, совершаемые даже из чувства любви. Эти люди наивны во зле и, по контрасту с ним, способны прозревать добро. Они вынуждены существовать в ночлежке, в подвале, но многие из них одновременно живут в параллельном мире — мире своей мечты. Способны ли они её достичь?

У А.П. Чехова³⁰ переставлены акценты, традиционные для произведений о «маленьком человеке». Расчеловечиванию подвергается фигура не начальника, а подчиненного. Значительное лицо часто выглядит гуманным, просвещенным

26) Николай В. Гоголь, *Мёртвые души: поэма. Собр. соч.: в 7 томах*, Художественная литература, Москва, 1978, Том 5.

27) Исаак Э. Бабель, *Конармия*, Азбука. Серия: больше, чем книга, Москва, 2016.

28) Михаил А. Шолохов, *Тихий Дон*, ИМЛИ РАН, Москва, 2017.

29) Максим Горький, *На дне*. Проза. Драматургия. Публицистика/Ред.-сост. П.В. Басинский, Назрань: Олимп: АСТ Москва, 2000.

30) Александр В. Востриков, *Книга о русской дуэли*, «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», Санкт Петербург, 2014.

и простым в обращении. Напротив, маленькие люди предстают лишенными всех этих качеств. Чехов видит власть не опасной, не хищной, а только кажущейся таковой тем, кто завяз в добровольном холопстве. По мнению М. Горького, только тот, кто стремится подняться со дна жизни, есть человек. Именно здесь заложен стрежневой мотив пьесы «На дне» — противоречие между правдой раба и свободой Человека (что отсылает нас к моральной философии Ф. Ницше³¹).

3.3 Одиночество и скитание. Ещё один аспект становления человека — способность понимать других и быть понятым ими. Если человек умеет любить, то есть большая вероятность, что он будет счастлив. Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» отправляет своих героев в Одиссею за счастьем но, оставляет поэму не законченной. По воспоминаниям лечащего врача, Некрасов планировал отправить своих «ходовков» даже к царю, но единственным счастливым на их пути оказывается пьяный, лежащий в канаве.³² Это произведение — стилизация фольклора, но в нём есть запрос на осмысленную и этим счастливую жизнь. Ни один герой из галереи «лишних людей» русской литературы не счастлив в любви. Все они боятся любить, боятся общества и не могут примириться с окружающей действительностью. Все это делает этих людей несчастными. Пропадают зря огромные душевные силы, их интеллектуальный потенциал. Повторяющаяся странная любовная история русских героев, связывающая пары: от пушкинских — Онегина и Татьяны до героев XX века, говорит о неуверенности героев в будущем, неспособности их построить счастье для себя и другого. Это состояние демонстрируют образы: лишнего человека («Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева³³), человека в футляре (одноимённый рассказ А.П. Чехова³⁴), кающегося дворянина («Вперемежку» Н.К. Михайловского³⁵), чудика

31) Фридрих Ницше, «Шопенгауэр как воспитатель» у Фридрих Ницше *Странник и его тень*, REFL-book, Москва, 1994.

32) Николай А. Некрасов, *Стихотворения: Кому на Руси жить хорошо*, Детская литература, Москва, 1977. Изд. 6-е. Вступ. ст. К.И. Чуковского. Примеч. И.Ю. Твердохлебова.

33) Иван С. Тургенев, *Дневник лишнего человека*, Эксмо, Москва, 2006.

34) Антон П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем*, Том 7., Москва, 1977.

35) Николай К. Михайловский, *Вперемежку. Штурманы будущей бури*, Москва, 1987.

(одноимённый рассказ В.М. Шукшина³⁶), человека свиты (одноимённая повесть В.С. Маканина³⁷). Самые яркие из них созданы в «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя: «Создавши образы Манилова, Ноздрева и Собакевича, Гоголь показал, во что обращаются чувство, воля и разум – три основных способности духа – в условиях праздного и ненужного существования».³⁸ Эту книгу называют русской Одиссеей. Следуя жанру, странствия героя должны сопровождаться его опасными испытаниями, а в конце он либо сам станет лучше, либо рассказав о пережитом сыну, даст ему надежду на лучшую, мудрую жизнь. Но эта мысль остаётся недосказанной или вовсе невысказанной в русской литературе. Положительный герой в ней — «Идиот» Ф.М. Достоевского,³⁹ святой странник, ушедший от мира и, отнявший у мира — себя.

3.4 Смерть. «Возлюбить ближнего как самого себя» — невозможно для обыкновенного человека» — говорит Ф.М. Достоевский, размышляя над своим состоянием после смерти жены.⁴⁰ Человек любит себя больше чем других, а если он будет отрицать себя как ценность, ненавидеть себя, относиться к себе только как средству попасть в рай, то тем более он не будет ценить жизнь и достоинство других людей. Многие ценности «высшего класса» не доступны большинству людей «гражданских», мирных, думающих о семье и трудолюбивых. Возвышенное, социальные подвиги и катастрофы, их пугают. Нельзя требовать от них «быть героями» и думать о вселенских проблемах. Человек рождается для счастья, а не подвига и смерти. Бояться в опасной ситуации это психологически нормально. Это не значит — быть трусом всегда. По этому качества: мужество, благородство, мудрость, справедливость не есть то, что можно требовать от «обыкновенного человека». До них ему нужно долго расти, осознавая новые ценности как личные потребности.

36) Василий Шукшин, *Калина красная. Рассказы, Речь*, Москва, 2017.

37) Владимир С. Маканин, *Андеграунд, или герой нашего времени*, Вагриус, Москва, 1999.

38) Валерьян Ф. Переверзев, *Гоголь. Достоевский. Исследования*, Советский писатель, Москва, 1982, стр. 162.

39) Федор М. Достоевский, *Полное собрание сочинений. В 30т. Т.8: Идиот: Художественные произведения*, Наука, Ленинград, 1973.

40) Валерьян Ф. Переверзев, *Гоголь. Достоевский. Исследования*, Советский писатель, Москва, 1982.

Обыкновенный человек может быть хитрым, обманщиком, озорником, сластолюбцем, бездельником, мелочным, трусливым, злым, обидчивым, мстительным. Эти качества увидел и описал Н.В. Гоголь в поэме «Мёртвые души». ⁴¹ Нужно преобразовать их до положительной меры (следуя Никомаховой этике Аристотеля⁴²). Бережливость, мечтательность, щедрость, основательность, скромность, невинность (чистота), честность потенциально есть у каждого. Их нужно развить в экономность, упорядоченность, надёжность, профессионализм. А уже потом от честности (как жизненного принципа большинства) переходить к чести. Только хватит ли времени человеческой жизни для его нравственной эволюции? Примеры такой эволюции, а точнее, «прозрения» дают Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой в своих поздних произведениях.

Идея посмертного искупления и исправления совершённых ошибок — в основе современного фильма «Девять» Тима Бёртона и Тимура Бекмамбетова. По сценарию, после военного апокалипсиса, уничтожившего всё живое на Земле, остаются куклы, наделённые душой. Диктатор, после смерти становится священником и жалеет своих жертв, даже жертвует собой, спасая одного из них. Свою моральную ответственность осознают: учёный, охранник, инженер, врач.

3.5. Воскресение и возвращение к людям. Полноценная личность, «обретающая потерянную душу», «потерянный рай», дополняет свои социальные обязанности, роль в обществе, личной ответственностью перед собой и человечеством. Античная трагедия героя, сражающегося со Злодеем и противостоящего Судьбе разворачивается в христианскую историю, преодолевающую смерть. Истинное бессмертие — это искупление греха, победа над злом в себе. Это искупление становится необходимым уже в этой жизни. Н.В. Гоголь, по легенде стремившийся возродить «мёртвые души», умер в 1855 году, а спустя 12 лет появилась «Легенда об Уленшигеле». ⁴³ В произведении Де Костера Лесные

41) Николай В. Гоголь, *Мёртвые души: поэма Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. — Т. 5.*, Художественная литература, Москва, 1978.

42) Аристотель, *Никомахова этика*. ЭКСМО-пресс, Москва, 1997, кн. 6.

43) Шарль де Костер, *Легенда об Уленшигеле* у Н. Любимов, В. Рогов, *Легенда об Уленшигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во*

духи, выслушав жалобы двух влюблённых на жестокости короля и произвол инквизиции, отправляют их к Семерым страстям. Через страдания гражданской войны, в ходе которой герои становятся гуманнее, происходит «Преображение семерых»: Гордыня стала Благородной гордостью, Скупость преобразилась в Бережливость, Гнев — в Живость, Чревоугодие — в Аппетит, Зависть — в Соревнование, Лень — в Мечту поэтов и мудрецов. А восседавшая на козе Похоть превратилась в Любовь. Имя «Уленшпигель» переводится двояко: «я — ваше зеркало» и «сова и зеркало», что означает: «посмотрите на себя, преобразитесь!» «будьте мудрыми!».

4. ВОЗМОЖНОСТЬ СБЛИЖЕНИЯ ДВУХ ОБРАЗОВ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Поколения людей, участвуя в битве Титанов, как поётся в одной советской песне «пропадают зря», из-за отсутствия «календаря», прогресса.⁴⁴ Битва не прекращается и их личная судьба глубоко несправедлива к ним, перед лицом Вечности. Эту несправедливость к душе живой, но погибающей, пытается исправить философ Н. Фёдоров, говоря о «возрождении умерших» как нравственной цели современной науки.⁴⁵ Что можно представить как метафору рождения личности. Владимир Соловьёв писал: «Личность есть внутреннее определение единичного существа в его самостоятельности, как обладающего разумом, волей... Так как разум и воля суть формы бесконечного содержания..., то Личность человеческая имеет, в принципе, безусловное достоинство, на чем основаны ее неотъемлемые права, все более и более за нею признаваемые по мере исторического прогресса».⁴⁶ Другой русский философ Н. Бердяев, сменив свои взгляды с марксистских на христианские, говорил о персонализме как необходимым элементе развития страны.⁴⁷

Фландрии и других краях, Москва, 2004, 2 изд.

44) Элеонора Лассан, «Лирическая песня как идеологический феномен» у *Политическая лингвистика*, Уральский государственный педагогический университет, 2009.

45) Николай Ф. Фёдоров, *Сочинения*, Мысль, Москва, 1982, Серия: Философское наследие.

46) «Личность» у *Энциклопедический словарь*, Электронный ресурс, Internet, <http://hpsy.ru/public/x2459.htm>, 01/05/2019.

47) Николай А. Бердяев, *О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии*, Республика, Москва, 1995.

Если согласится с ними, тогда соборность и коллективизм — не альтернативные ценности Восточных цивилизаций, а стадии развития индивидуального самосознания человеческого «я». Человек хочет быть собою, не любит собственные проявления слабости, трусости, подчинения чужой воле (о чём говорят как С.А. Кьеркегор, так и Ф.М. Достоевский), но на пути к осознанию себя он встречает социальные предрассудки и материальные нужды, которые легче и привычнее удовлетворяются в коллективистском обществе. Когда же он сумеет удовлетворять свои нужды сам, его сознание изменится. Как в расхожем выражении: «- Хлеб да соль! - Ем, да свой!».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская критическая литература в изобилии показывает образы не личные, коллективные и ситуативные: а) большой / маленький человек, б) мучитель / жертва в) бездельник / неуч; г) сентиментальный мечтатель / человек удовольствий; д) жадный / расточительный; е) гуляка / пьяница. В центре её внимания при этом оказывается противоречие поступка и мысли, чувства. В конфликте между чувством и социальной привычкой побеждает последняя, что глубоко огорчает героя. Социальный стереотип, в классической и критической литературе 19 века это Судьба, Рок, несправедливые к человеку, но редко оцененные как зло. Герой, осознавая своё отличие от принятой обществом «нормы», рождается из до-человеческого (рабского) состояния, начинает видеть себя как отдельное существо, со своей болью и радостью, формирует личный аспект своего «Я». Но его социальное начало, обращённое к другим людям, оказывается всё ещё коллективным, таким же как у всех. Он думает по поводу своей любви, или иного своего самого важного поступка в жизни: «А что скажет Марья Алексеевна?». А что написано в Домострое? Как бы поступил мой Отец? И, останавливается в нерешительности или совершает роковую ошибку. Это противоречие между личными амбициями индивида и его неумением строить социальные связи, страхом, неуважением к другим людям, приводят к «вождизму» политических партий, крайне слабой социальной взаимопомощи, покорности любым приказам

начальства и пассивности в ситуации, требующей личного выбора.

Личность — не содержание, а форма человека, форма отношения к самому себе и миру: доверие своему чувству (поступать по любви, а не по расчёту), своему разуму, своей совести. Личность — скелет человека и общества, сохраняющий верность своему выбору, своей идее, твёрдость решений, честность перед собой. Личность может быть и а-социальной и преступной. Но «вокруг» личности формируется общество из людей, пока не ставших личностью. Одни тянутся к ней, как вершине, соревнуются, вызывают её на дуэль, а другие подражают и приспособляются. Но жизнь с личностью лучше, чем без неё.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврелий Августин, „О граде Божьем“ в Армстронг А. Х., *Истоки христианского богословия. Введение в античную философию*, Санкт Петербург, 2006, стр. 241–242.
- Аристотель, *Никомахова этика*. ЭКСМО-пресс, Москва, 1997, кн. 6.
- Бабель Исаак Э., *Конармия*, Азбука. Серия: больше, чем книга, Москва, 2016.
- Бердяев Николай А., *О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии*, Республика, Москва, 1995.
- Востриков Александр В., *Книга о русской дуэли*, «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», Санкт Петербург, 2014.
- Гоголь Николай В., *Мёртвые души: поэма. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 5.*, Художественная литература, Москва, 1978.
- Гоголь Н.В. *Шинель. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6.*, Художественная литература, Москва, 1978.

- Гончаров Иван А., *Обломов. Роман в четырех частях. Поное собрание сочинений в двадцати томах*, Наука, Санкт Петербург, 1998, Том 4.
- Гордин Яков А., *Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни*, Издательство Пушкинского фонда. Санкт Петербург, 1997.
- Горький Максим, *На дне*. Проза. Драматургия. Публицистика/ Ред.-сост. П.В. Басинский, Назрань : Олимп : АСТ Москва, 2000.
- Достоевский Федор М., *Полное собрание сочинений. В 30 т. Т.6: Преступление и наказание : Художественные произведения*. Наука, Ленинград, 1973.
- Достоевский Федор М., *Полное собрание сочинений. В 30 т. Т.8: Идиот: Художественные произведения*, Наука, Ленинград, 1973.
- Дюма Александр, *Три мушкетёра*, Худ. Литература, Москва, 1975.
- Зарицкая Жанна, «О специфике русского коллективизма» у *Вестник новосибирского университета: Серия «Философия»*. Т.11, №3, Новосибирск. 2013, стр. 48–54.
- Ионеско Эжен, *Носорог. Пьесы и рассказы*, Текст, Москва, 1991.
- Кафка Франц, *Замок* (Роман / Пер. с нем. М. Рудницкого), Издательская Группа «Азбука-классика», Санкт Петербург, 2009.
- Костер Шарль Де, *Легенда об Уленипигеле* у Н. Любимов, В. Рогов, *Легенда об Уленипигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях*, Москва, 2004, 2 изд.
- Кьеркегор Серен, *Болезнь к смерти*, Академический Проект, Москва, 2014.
- Лассан Элеонора, «Лирическая песня как идеологический феномен» у *Политическая лингвистика*, Уральский государственный педагогический университет, 2009, стр. 14–31.

- «Личность» у *Энциклопедический словарь*. В 86 т. Т. 34., Изд. Брокгауза и Ефрона, Санкт Петербург, 1896. стр. 868–869, Internet, <http://hpsy.ru/public/x2459.htm>, 01/05/2019.
- Лотман Юрий М., *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт Петербург, 1994.
- Маканин Владимир С., *Андеграунд, или герой нашего времени*, Вагриус, Москва, 1999.
- Михайловский Николай К., *Вперемежку. Штурманы будущей бури*, Москва, 1987, стр. 406–431.
- Монтескье Шарль Де, *О духе законов*, Мысль, Москва, 1999.
- Некрасов Николай А., *Стихотворения: Кому на Руси жить хорошо*, Детская литература, Москва, 1977. Изд. 6-е. Вступ. ст. К.И. Чуковского. Примеч. И.Ю. Твердохлебова.
- Ницше Фридрих, «Шопенгауэр как воспитатель» у Ницше Фридрих *Странник и его тень*, REFL-book, Москва, 1994.
- Переверзев Валерьян Ф., *Гоголь. Достоевский. Исследования*, Советский писатель, Москва, 1982.
- Пушкин Александр С., *Медный всадник*, НАУКА, Ленинград, 1978.
- Соловьёв Владимир С., *Оправдание добра* (Отв. ред. О. А. Платонов), Алгоритм, Москва: Институт русской цивилизации, 2012.
- Толстой Лев Н., *Воскресенье. Полное собрание сочинений*, Наука, Москва, 1978.
- Тургенев Иван С., *Дневник лишнего человека*, Эксмо, Москва, 2006.
- Фёдоров Николай Ф., *Сочинения*, Мысль, Москва, 1982, Серия: Философское наследие.
- Фукуяма Фрэнсис, *Конец истории и последний человек* (пер. с англ. М. Б. Левина), АСТ, Москва, 2007.

- Петр Я. Чаадаев, *Философические письма. Письмо первое*, Библиотека «Вехи», Электронный ресурс, Internet, <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>, 22/02/2019.
- Чернышевский Николай Г., *Что делать? Из рассказов о новых людях*, Серия «Литературные памятники» Наука, Ленинград, 1975.
- Чехов Антон П., *Полное собрание сочинений и писем*, Том 7., Москва, 1977.
- Шолохов Михаил А., *Тихий Дон*, ИМЛИ РАН, Москва, 2017.
- Шукшин Василий, *Калина красная. Рассказы*, Речь, Москва, 2017.
- Юнг Карл Г., *Архетип и символ*, Изд-во. Ренессанс, Москва, 1991.

Леонид Петряков, Синиша Атлагић

СУБЈЕКТИВИТЕТ У РУСКОЈ КУЛТУРИ

Резиме

Субјективитет у руској култури има две димензије: националну и западну, европску. Националну чини комплекс психолошких и друштвених норми и карактерише се као „индивидуалистички колективизам”. Европски субјективитет, познато као „личност”, у Русији се формирало од 19. века као алтернатива националне од стране вишег, образованог слоја друштва. Овај процес чини неколико фаза и није окончан. Два су ентитета која чине савременог Руса: европска „личност” и национални, историјски формиран субјективитет.

У основи националне представе о субјекту/личности у Русији стоји индивидуална активност у посебним, изузетним околностима – у рату, такмичењу или празновању. У социјалној сфери, и при одсуству ових околности, он је пасиван. Питање еманципације човека као неопходног услова за развој друштва и државе, у Русији је постављано и решавано на различите начине од 19. века до данас. Руска књижевност нуди најзанимљивије виђење формирања личности у Русији. Књижевност се схвата сакрално, она преводи људе, али из политичких разлога (револуција 1917.) не успева да доврши овај процес. Руски филозофи XX и XXI века говоре о потреби зближавања и међусобног разумевања две слике руског субјективитета, да би се превазишао унутарњи „раскол”.

Кључне речи: руска књижевност, књижевни јунак, личност, персонализација, филозофија заједничке ствари

* Овај рад је примљен 7. јуна 2019. године, а прихваћен на састанку Редакције 12. септембра 2019. године.